

Пространство

пространство. П., будучи одним из важнейших элементов мифопоэтической архаичной модели мира, осмысливалось в рамках этой модели совершенно отлично от того, как оно представляется современному человечеству под воздействием научных взглядов (особенно после Галилея и Ньютона), которые постулировали геометризованное, гомогенное, непрерывное, бесконечно делимое П., равное самому себе в каждой его части.

Это «рационализированное» пространство не существовало в мифопоэтической модели мира (как нередко не было и самого слова для «П.»). В архаичной модели мира П. оживотворено, одухотворено и качественно разнородно.

Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует.

Воплощением отсутствия П. (не-П.) является хаос до начала творения; в условиях уже наличествующего творения, когда складывается оппозиция: П. в космосе (в центре) — отсутствие П. в хаосе (на периферии); наконец, внутри самого космоса — в остатках хаотического начала, ещё не переработанного космическими силами, когда хаотическое отсутствие П. (не-П.) помещается в центре космоса, который окружает своим П. область хаотического не-П. Не разделяет мифопоэтическое сознание и П. и время.

Любое полноценное описание П. первобытным или архаичным сознанием предполагает определение «здесь-теперь», а не просто «здесь»; П. и время образуют в этом случае неразрывное единство — хронотоп. «Языковая» мифология подтверждает это заключением нередкими примерами обозначения П., его «наполнения» (боги, люди, животные, растения, элементы сакральной топографии, сакрализованные и мифологизированные объекты из сферы культуры, совокупность всего, что так или иначе «организует» П., собирает его) и времени одним и тем же словом или словами одного корня. Классический образец — латинское *orbis*, «окружность», «круг», но и — «земной круг», «мир», «земля» (ср. *orbis terrae* или *terrarum*; также — «область», «страна», «царство» и т. д., даже «небо», «небесный свод»); «годовой круговорот»,

«год», «круговое движение» (ср. orbis temporum, «круговорот времён», orbis annuus, «годовой оборот») и, наконец, «человечество», «человеческий род», целый ряд круглых предметов и т. п.

Отделённость П. от не-П., его отдельность — важнейшее свойство П., и в ряде случаев само П. обозначается по этому принципу (ср. древнеинд. rájas «пространство» при r̥jāti, «простирает», из индоевропейского *rg-, «проводить линию», «резать», «очерчивать»; ср. лат. regiones, «небесные линии», проводившиеся во время гаданий римскими авгурами, но и обозначение определённого пространства, региона). Но П. возникает не только и не столько через отделение его от чего-то, выделение из хаоса, сколько через развёртывание, распространение его вовне по отношению к некоему центру [то есть той точке, из которой совершается или некогда совершилось это развёртывание и через которую как бы проходит стрела развития, ось разворота; ср. при древнеинд. rájas, «пространство», обозначение творческого женского принципа Vi-rāj, буквально «раз-» и «простор» («пространство»)] или безотносительно к этому центру.

В этом последнем случае особенно показательным нужно считать русское слово «пространство», обладающее исключительной семантической ёмкостью и мифопоэтической выразительностью. Его внутренняя форма (*pro-stor-) апеллирует к таким смыслам, как «вперёд», «вширь», «вовне», «открытость», «воля».

Мифопоэтическая вселенная — не просто широкое, развёртывающееся вовне, свободное П. Это П. к тому же организовано, расчленено, состоит из частей и, следовательно, предполагает две противоположные по смыслу операции, удостоверяющие, однако, единое содержание — составность П. Речь идёт об осуществляемых мифологическим мышлением и действием операциях членения (анализ) и соединения (синтез) П., которые выявляются не только в результате научной реконструкции, но и реально и вполне осознанно используются носителями мифологического сознания в основном годовом ритуале на стыке старого и нового года: распадение старого мира [прежнего пространственно-временного (и вещного) континуума] — расчленение жертвы, понимаемой как образ этого мира; составление (соединение, синтезирование из частей, образовавшихся при распадении) нового мира — собирание воедино членов тела расчленённой ранее жертвы. Вместе с тем на заключительном этапе мифопоэтической эпохи обнаруживается тенденция выработки основ «преднаучной» и «предфилософской» концепции относительно однородного и равного самому себе в своих частях П. На этом этапе П. предпочитают описывать не столько как гармоническое равновесие соподчинённых частей, имеющее эстетическую ценность (сама космозованность П. придаёт ему эту ценность) и потому доступное отражению в Слове (характерно, что космогонические тексты о П. и его частях лежат у истоков того, что можно назвать эстетически отмеченной, сакральной поэзией), сколько

как то, что измеряется.

Эти измерения П. во многих традициях получили исключительное развитие (например, в Египте, в Двуречье, в Китае, в древнеамериканских цивилизациях и т. п.) и дали начало разветвлённой нумерологии и геометрии (отчасти — астрономии) как особым областям постепенно десакрализирующегося знания. Но и в эту эпоху П. всё ещё лишено непрерывности, сплошной протяжённости, гомогенности; оно разнородно.

Особенного внимания заслуживают случаи, когда разные (в идеале — все) возникающие части П. имеют единый источник происхождения, в частности, когда им ставятся в соответствие разные части некоего единого другого образа. Ср. мифы о происхождении частей космического или (чаще) земного П. из членов тела первочеловека.

Мифологизированные объекты, заполняющие П. и конституирующие его, выстраивают в пределах общего П. некое семантическое П. определённой структуры (семантическое обживание П.). Центр всего сакрального П. отмечается алтарём, храмом, крестом, древом мировым, мировой осью (*axis mundi*), пупом земли, камнем, мировой горой, высшей персонифицированной сакральной ценностью.

К центру ведёт путь, то есть то, что связывает самую отдалённую периферию, во-первых, и все объекты, заполняющие П., во-вторых, с высшей сакральной ценностью. Движение по П. к центру подтверждает действительность-истинность самого П., «пробегаемого» этим путём, и, главное, доступность каждому узнать П., освоить его, достигнуть его сокровенных ценностей.

Путь в горизонтальном П. стал той осью, на которой создавались различные эпические формы народной словесности и прежде всего сказка. В сказке герой отправляется вовне, на периферию П., отличающуюся особой опасностью и концентрацией злых сил; более того, место, к которому приезжает сказочный герой, часто находится вне П., в том остатке «непространственного» хаоса, где решается судьба и героя, и самого этого места, поскольку победа героя обозначает освоение П., приобщение его космизированному и организованному «культурному» П. Такая же задача решается и в специальных ритуалах освоения П. во многих традициях: обход территории по периметру, операция освоения центра (или двух основных центров — переднего угла и печи — при ритуале перехода в новый дом у восточных славян), освящение ключевых

точек нового П. с помощью жертвоприношения, помещения в них сакральных ценностей (крест, икона, другие символы благополучия), разного рода оберегов и амулетов, заговаривания (молитвы, заговоры и т. п.); ср. мифологические фигуры богов стран света, охранителей-стражей границ П. или его отмеченных точек и т. п.

Некоторые тексты, описывающие путь, очень подробно характеризуют объектную структуру П.; ср., например, заговоры с детально разработанными этапами пути из своего дома к сакральному центру (из избы дверьми на двор, со двора воротами в поле, по дороге через поле, реку, через лес и горы, к синему морю-окияну, посреди которого остров Буян, на нём бел-горюч камень-алатырь, на нём дерево, крест и т. п., иногда святители); при этом начальная и конечная точки пути соотнесены с отмеченными временными моментами (например, с утренней зарёй или появлением месяца и звёзд). «Объектная» структура пути вместе с тем с исключительной точностью указывает все грани перехода между «своим» П. и «чужим» П. Особое внимание мифопоэтического сознания к началу и концу (пределу), с одной стороны, и к переходам-границам (порог, дверь, мост, лестница, окно и т. п.), — с другой, обнаруживает его тончайшую способность не только к дифференциации П., но и к усвоению (определению) семантики частей П., преимущественно тех ключевых мест (или моментов, если речь идёт о времени), от которых зависит безопасность человека. Поэтому в архаичной модели мира особое внимание уделено «дурному» П. (болото, лес, ущелье, развилка дорог, перекрёсток).

Нередко особые объекты указывают на переход к этим неблагоприятным местам или же нейтрализуют их (ср. роль креста, позже — храма, часовни, иконы и т. п.). Наряду с универсальными для любого мифопоэтического сознания чертами восприятия П. можно засвидетельствовать и различия, связанные с особенностями образа жизни людей и их материального производства.

Французский археолог и этнограф А. Леруа-Гуран отмечает, что для бродячего охотника П. — это путь, трасса его кочевок: он воспринимает П. динамически, двигаясь через него. Эта линейная и динамическая форма П. (*espace itinérant*) отразилась и в древнейшей мифологии — особенно в мифах о культурных героях, совершающих свои подвиги как бы по пути своих странствований.

Древность этой мифологии засвидетельствована памятниками верхнепалеолитической наскальной живописи, где композиция развёртывается линейно на протяжении иногда километров (пещеры Ласко, Нио и др.). Представления о статическом или радиальном П. (*espace rayonnant*), воспринимаемом в виде серии расходящихся от сакрального центра

концентрических кругов, затухающих к границам неведомого, присущи только земледельческим народам и народам городской культуры.

Архаичные представления о П., в частности о роли пути в освоении П. и в становлении героя (как субъекта странствия), надолго пережили мифопоэтическую эпоху. Хронотоп тех произведений античной художественной литературы позднего периода, которые определяются как авантюрный роман испытания, авантюрно-бытовой роман, биографический роман, равным образом сохраняет как следы мифопоэтического понимания П., так и признаки начавшегося процесса демифологизации и десакрализации этого П. (ср. абстрактную пространственную экстенсивность с обилием случайностей, техническую неконкретизированную связь П. и времени, пассивность и известную «механистичность» героя в отношении П. и времени и т. п. как характерные черты античного романа).

Рыцарский роман средневековья в определённой степени продолжает эту же линию. Но и в великих произведениях искусства от «Божественной комедии» Данте до «Фауста» И. В. Гёте, «Мёртвых душ» Н. В. Гоголя или «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского достаточно отчётливо обнаруживаются следы мифопоэтической концепции П. Более того, подлинное и самодовлеющее П. в художественном произведении (особенно у писателей с мощной архетипической основой) обычно отсылает именно к мифопоэтическому П. (ср. творчество Э. Т. А. Гофмана, Гоголя, Достоевского, М. Пруста, Дж. Джойса, Ф. Кафки, Т. Манна, Г. Хессе, А. Белого, К. К. Вагинова, А. П. Плато нова и др.) с характерными для него членениями и семантикой составляющих его частей.

То же относится и к произведениям изобразительного искусства (ср. тему П. в иконописи, у Джотто и других тречентистов, у мастеров «космизированного» пейзажа в XVI в., в ряде более поздних направлений живописи и скульптуры — вплоть до наших дней. См. также статьи Космос, Космогонические мифы, Модель мира, Изобразительное искусство и мифология.

Литература: Соловьев В. С., Пространство, Собрание сочинений, т. 10, СПб, 1914; Леон-Портилья М., Философия нагуа, М., 1961, с. 65—67, 132—143, 304; Мостепаненко А. М. и М. В., Четырёхмерность пространства и времени, М.—Л., 1966; Флоренский П. А., Обратная перспектива, в книге: Труды по знаковым системам, т. 3, Тарту, 1967; его же, Иконостас, в сборнике: Богословские труды, сб. 9, М., 1972, с. 80—148; Бахтин М. М., Проблемы поэтики Достоевского, 4 изд., М., 1979; его же, Формы времени и хронотопа в романе, в его книге: Вопросы литературы и эстетики, М.,

1975;Лихачев Д. С., Поэтика древнерусской литературы, 3 изд., М., 1979;Лотман Ю. М., Проблема художественного пространства в прозе Гоголя, в книге: Труды по русской и славянской филологии, т. 11, Тарту, 1968;Неклюдов С. Ю., Время и пространство в бытине, в книге: Славянский фольклор, М., 1972;его же, Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора, в книге: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа, М., 1975;Ритм, пространство и время в литературе и искусстве, Л., 1974;Жегин Л. Ф., Язык живописного произведения, М., 1970;Шапиро М., Некоторые проблемы визуального искусства.

Пространство изображения и средства создания знака-образа, в книге: Семиотика и искусствоведение, М., 1972;Цивьян Т. В., О некоторых способах отражения в языке оппозиции внутренней/внешней, в сборнике: Структурно-типологические исследования в области грамматики славянских языков, М., 1973;её же, К семантике пространственных элементов в волшебной сказке, в книге: Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В. Я. Проппа, М., 1975;Вейль Г., Симметрия, пер. с англ., М., 1968;Вернадский В. И., Размышления натуралиста, кн. 1 — Пространство и время в неживой и живой природе, М., 1975;Топоров В. Н., О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления, в книге: Structure of texts..., The Hague — P., 1973;Байбурин А. К., Обряды при переходе в новый дом у восточных славян..., «Советская этнография», 1976; № 5;Вундт В., Пространство и время, в книге: Новые идеи в математике, сб. 2 — Пространство и время, I, СПб, 1913;Panofsky E., Die Perspektive als «symbolische Form», в сборнике: Vorträge der Bibliothek Warburg.

1924—1925; B.—Lpz., 1927;Alexander S., Space, time and deity, v. 1, L., 1927;Bunim M. S., Space in medieval painting and the forerunners of perspective, N. Y., 1940;Hartmann N., Philosophic der Natur, B., 1950;Thompson Darcy Wentworth. On growth and form, 2 ed., v. 1—2, Camb., 1952;Eliade M., Traité d'histoire des religions, P., 1964;его же, Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase, P., 1951;Jammer M., Concepts of space, Camb. (Mass.), 1954;Blanchot M., L'espace littéraire, P., 1968;Reichenbach H., The Philosophy of Space and Time, N. Y., 1958;Smart J. J. C., Spatialising time, «Mind», 1955, v. 64, № 254;его же (ed.), Problems of Space and time, N. Y.—L., 1964;Lévi-Strauss C., La pensée sauvage, P., 1962;его же, Mythologiques, t. 1—4, P., 1964—1971;Borel E., Space and time, N. Y., 1960;Bollnow O., Mensch und Raum, Stuttg., 1963;Giedion S., Space, time and architecture, 5 ed., Camb. (Mass.), 1967;Poulet G., L'espace proustien, P., 1963;Pasto T., The space-frame experience in art, N. Y., 1964;Kannegiesser K., Raum.

Zeit. Unendlichkeit, 2 Aufl., B., 1966;Collier G., Form, space and vision, Englewood Cliff, 1967;Pereira I. R., The nature of space. A metaphysical and aesthetic inquiry, Wash., 1968;Thorn R., Stabilité structurelle et morphogénèse, Reading (Mass.), 1972;Spencer Sh.,

Пространство

Автор: admin

15.04.2011 21:27 -

Space, time and structure in the modern novel, N. Y., 1971; Leroi-Gourhan A., Le geste et la parole, v. 2 — La mémoire et les rythmes, P., 1965; Гуревич А. Я., Категории средневековой культуры, [М., 1972].